

К вопросу об основаниях дифференциации текстов

© *Е.В. Одинцов, О.А. Одинцова, 1997*

60-80е годы в лингвистике, помимо прочего, были ознаменованы целенаправленным и плодотворным изучением функционально-стилистической дифференциации русского языка (см., напр.: В.В. Виноградов [2], В.Г. Костомаров [5], Р.А. Будагов [1], М.Н. Кожина [4], О.А. Крылова [6], Е.А. Земская [3], О.Б. Сиротинина [11] и др.). При этом, несмотря на многообразие различных, порой диаметрально противоположных, точек зрения, большинство исследователей сошлось в том, что в рамках литературного языка существует ряд функциональных подсистем, основными из которых являются (в разной терминологии) разговорный стиль, язык художественной литературы и книжные стили: научный, официально-деловой, газетно-публицистический. В классификации стилей наибольшую известность получил “двудеиный” критерий, согласно которому функциональный стиль выделяется как на основе экстралингвистического фактора (сфера общественной деятельности, в которой реализуется тот или иной стиль), так и на собственно лингвистической основе (репертуар языковых средств, обслуживающих данный стиль).

Вместе с тем, оба эти фактора могут и должны быть подвергнуты сомнению. В первую очередь, остается неясным, где проходят границы тех сфер общественной деятельности, которые обычно отмечаются исследователями. Отсюда и размытость стилиевых границ, неопределенность статуса многих речевых жанров. Какие, например, стили проявляются в таких жанрах, как научный диспут, лекция, публичное выступление, политическое заявление, частное письмо, телеинтервью, радиопередача, спортивный телекомментарий, рекламное сообщение, проповедь, деловое письмо, деловые переговоры и т.д.? В работах по стилистике нет однозначного ответа на этот вопрос. Как правило, в таких случаях исследователи говорят о промежуточных явлениях, межстилевых жанрах и т.п., однако глубокого и всестороннего языкового анализа этих явлений в литературе мы не находим.

Еще больше сомнений вызывает тезис о лингвистической обеспеченности функциональных стилей. Непредвзятый анализ языкового материала показывает, что четкая функционально-стилистическая дифференциация русского языка просматривается преимущественно только

на уровне лексики (где в наибольшей степени отражается предметная сфера), однако во многих работах этого оказывается достаточно, чтобы постулировать наличие в языке того или иного количества функциональных стилей. Языковые средства иных уровней (включая словообразовательные типы) на основной стилистической оси русского языка могут быть маркированы либо как разговорные, либо как нейтральные, либо как книжные. Поэтому не случайно, что и в теоретической литературе, и в учебниках для студентов-иностранцев одни и те же лингвистические средства (например, употребление девербативов и, как следствие, образование цепочек родительного падежа) оказываются стилиобразующими сразу для нескольких функциональных стилей (см., напр.: Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева [9]).¹

Для подтверждения данного тезиса можно провести следующий эксперимент. Возьмем в качестве примера небольшой отрывок из книги О.А. Лаптевой "Русский разговорный синтаксис", типичный для научного стиля, и выделим в нем лексические средства терминологического характера:

"Рассмотрим сначала те случаи, где есть те или иные свидетельства усиления значения прилагательного за счет значения существительного, концентрации общего значения атрибутивной группы в прилагательном. Прежде всего это многочисленные краткие вопросительные реплики с ярко выраженной ситуативной прикреплённостью..."

Заменяем выделенные слова и словосочетания другими, оставив в неприкосновенности морфолого-синтаксическую структуру текста:

Возьмем сначала те случаи, где есть те или иные свидетельства усиления роли лидера за счет других членов группировки, концентрации общей власти в руках одного человека. Прежде всего это многочисленные мелкие политические партии с ярко выраженной оппозиционной направленностью...

Показательно, что, хотя научный текст обладает наиболее яркими (по сравнению с другими книжными стилями) отличительными признаками, иными словами, он наиболее "узнаваем", тем не менее, замена

¹ В этом же учебнике именные группы с предлогами **в связи** и **ввиду** даются с пометой "часто в официально-деловом стиле", конструкции с предлогом **в силу** с пометой "часто в научном и официально-деловом стилях", а именные группы **вследствие** + **род.падеж** и **в результате** + **род.падеж** с пометой "обычно в научном, публицистическом и официально-деловом стилях" [9; с.120].

только терминологической лексики приводит к полной смене его функционально-стилистической окраски, к полной стилевой переориентации текста: так, трансформированный фрагмент в равной мере может быть включен в газетную статью, заметку, радиопередачу, телеинтервью, информационно-аналитическую или информационно-публицистическую телепрограмму и т.д., то есть в целый ряд как письменных, так и устных речевых жанров.

Другой пример. Яркими стилеобразующими чертами научного стиля обычно признается наличие в тексте форм настоящего вневременного и пассивных конструкций (чаще — с опущенными формами обобщенного субъекта). Вместе с тем, названные черты могут быть обнаружены, помимо научных, в целом ряде речевых жанров, в которых “производитель” текста оперирует ментальными фактами, не локализованными во времени и пространстве:

От двух до семи овощных компонентов закладываются так, чтобы они были сходны по времени их варки; например, все корнеплоды закладываются одновременно и раньше, чем капуста и другие нежные овощи... Приведенный типовой порядок варки супов дает возможность каждому человеку приготовить по крайней мере два десятка различных супов разного состава, консистенции и вкуса (В.В. Похлебкин. Тайны хорошей кухни, М., 1985, стр.114).

Условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными (Закон о защите прав потребителей, статья 16).

Исследователи не могли не чувствовать отмеченную выше недостаточную различительную силу постулируемых “собственно лингвистических” стилеобразующих признаков, поэтому многие из них пошли по интересному пути количественного исчисления употребительности языковых единиц в различных функциональных стилях. Так, по подсчетам М.Н. Кожиной, инфинитив в официально-деловом стиле соотносится с другими глагольными формами в пропорции 5:1. Аналогичные подсчеты на материале разговорной речи проводит О.Б. Сиротинина. Она отмечает, например, что в обиходно-разговорном стиле употребительность глагольных форм настоящего времени составляет 40%, прошедшего — 47,2%, будущего — 12,8% (Сиротинина [11; с.88]).

В связи со сказанным находятся два важных момента, требующие некоторых пояснений. Во-первых, можно подвергнуть сомнению точность соответствия приводимых данных, в том числе и процентных соотношений, реальному речевому материалу. В самом деле, при таком разнообразии речевых жанров, индивидуальности словоупотребления и грамматики говорящих/пишущих возможно ли исчислить с точностью до десятых долей процента употребительность какой-либо формы или синтаксической конструкции? Так, к официально-деловому стилю традиционно относят такие жанры, как закон, указ, инструкция, договор, распоряжение, заявление, докладная записка, акт, деловая переписка в учреждениях, "а также выступления на заседаниях суда, устные справки юридического характера и т.п." (Крылова [6; с.132]). Следовательно, нужно полагать, что и в указе Президента, и в обвинительной речи на суде, и в протоколе допроса, и в Гражданском кодексе РФ соотношение инфинитива и других форм глагола составит 5:1 (данные М.Н. Кожиной)? Представляется, однако, что такое соответствие возможно лишь в некоторых деловых жанрах предписующего характера; применительно к официально-деловому стилю в целом данные подсчеты, по-видимому, обладают малой познавательной ценностью. Если же речь идет о среднем статистическом употреблении для всех жанров, например, официально-делового стиля, сразу же встает два вопроса: 1. Соответствует ли банк текстов, объем текстотеки статистическим стандартам, иными словами, достаточно ли у исследователей речевого материала для выведения среднего статистического? 2. Соответствует ли познавательная ценность полученной статистической информации затраченным усилиям, иначе говоря, насколько полезны данные сведения для характеристики и анализа официально-делового стиля речи в целом и каждого из речевых жанров в отдельности?

Во-вторых (и это самое важное), когда исследователь начинает оперировать такими понятиями, как употребительность, частотность и подобными, он обязан перейти из области стилистики языка в область стилистики речи. Однако во многих работах, посвященных изучению стилей, этого не происходит. Говоря о научном стиле языка, О.А. Крылова пишет:

"Эти экстралингвистические особенности находят выражение в собственно языковых характеристиках научного стиля и обуславливают систему языковых средств, которые в нем употребляются... Научный стиль как система включает языковые единицы трех типов:

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

1) языковые единицы, обладающие соответствующей стилистической (точнее — функционально-стилевой) окраской. Это в первую очередь лексические единицы...

2) Языковые единицы стилистически нейтральные и свойственные в равной степени всем стилям, т.е. межстилевые единицы.

3) Языковые единицы стилистически нейтральные, но функционирующие преимущественно именно в данном стиле, — так что стилистически значимым становится их количественное преобладание в этом стиле (по сравнению с другими). Такими "количественно маркированными" единицами являются в первую очередь некоторые морфологические формы, затем-синтаксические конструкции" [6; с.102].

Подобным же образом характеризуется официально-деловой стиль:

"Систему официально-делового стиля составляют единицы трех типов:

1) имеющие окраску официально-делового стиля (лексика и фразеология);

2) нейтральные;

3) по стилистической окраске нейтральные, но по степени употребительности становящиеся приметой данной языковой системы" [6; с. 132-133].

Представляется странным, что О.А. Крылова (как и ряд других исследователей), справедливо замечая, что принятая функционально-стилистическая классификация находит опору преимущественно только на уровне лексики, тем не менее определяют функциональный стиль как языковую подсистему. Иными словами, в ряде работ постулируется языковая сущность выделяемых функциональных подсистем (стилей), тогда как анализ реального языкового материала доказывает как раз обратное.

Суммируя сказанное, можно сделать некоторые выводы.

Если оставить в стороне язык художественной литературы как особую сферу, в которой раскрываются изобразительные ресурсы языка и в которой языковые средства "живут" по специфическим законам художественного творчества, функционально-стилистическая система русского языка в самом общем и несколько упрощенном виде может быть представлена следующим образом.

В языке существует три функциональных стиля, находящих лингвистическую опору на всех языковых уровнях: разговорный, нейтральный и книжный (термин "книжный" условен: книжные единицы могут быть представлены и в устной форме общения). На уровне речи, в определенных речевых жанрах, происходит отбор языковых средств в соответствии с ситуацией общения, их лексическое наполнение. Именно лексика в первую очередь становится основой того явления, которое мы

называем стилями речи. При этом, если некоторые из этих стилей более стандартизованы, легко “узнаваемы” (научный стиль), то другие в большей степени привязаны к ситуации общения, к речевым жанрам (стиль информационных телепередач, стиль спортивного комментария, стиль рекламы, стиль обвинительной речи на суде и проч.). Здесь, как кажется, ближе к истине были те исследователи, которые шли по пути выделения функциональных подстилей (например, подстилей передовицы, очерка, фельетона и т.д. в газетном стиле). Впрочем, в различных коммуникативных условиях многие речевые жанры допускают свободное сочетание и взаимодействие элементов разных стилей языка: это происходит, в частности, если традиционно книжные стили проявляются в устной форме общения (жанры научного диспута, телеинтервью, деловой беседы и др.). Кроме того, следует иметь в виду, что сама система речевых жанров за последние годы претерпела значительные изменения. Так, газетный стиль, который и в былые годы не обладал стилистической однородностью, в настоящее время оказался полностью разрушенным: сейчас можно говорить в большей степени не о стилях газетных жанров, а о стилях отдельных газет и журналов. С другой стороны, в последнее время активно формируются многие жанры обиходно-делового стиля (деловое письмо, деловая беседа и т.д.), да и сам обиходно-деловой стиль, выделенный еще В.В. Виноградовым (в классификации стилей на основе функций языка) и впоследствии незаслуженно забытый [2; с.6], все больше претендует на статус стилистически однородной речевой подсистемы.

Возникает вопрос: могут ли быть найдены (при существующей лингвистической необеспеченности понятия “функциональный стиль” и трудноисчислимом количестве речевых жанров) иные основания для типологии текстов? Логично предположить, что ответ на этот вопрос следует искать не столько в разграничении сфер общественной деятельности человека, сколько в анализе логико-смысловых и коммуникативных интенций языковой личности, которые не могут не отражаться в языковом наполнении продуцируемого текста.

Плодотворной представляется идея Г.А. Золотовой (см., например: [7; с.348-356]; [8; с.65-73]) о коммуникативных типах текста, или регистрах, восходящая еще к работам В.В. Виноградова (напр., “Стиль ★Пиковой дамы ☺”), осмысливающим роль категории времени в организации текста. “В понятии регистров обобщается соотношение структурно-семантического типа предложения с точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями” [8; с.67], а также “совокупность

языковых средств всех “уровней”, которые позволяют реализовать эту модель в конкретном фрагменте текста” (Онипенко [10; с.74]). Для коммуникативных регистров существенным оказывается степень удаленности (абстрагированности) “говорящего лица” от отображаемого в речи события (факта), определяющая выбор языковых средств, основными из которых (для регистровой отнесенности), наряду с референтным/нереферентным статусом имен, являются видо-временные формы глагола.

В разговорной речи говорящий часто находится в позиции непосредственного наблюдателя событий или представляет события как наблюдаемые, поэтому в его речи могут преобладать формы настоящего актуального или настоящего исторического (*praesens historicum*). В терминологии Г.А. Золотовой, это репродуктивный коммуникативный регистр. Кроме того, в условиях перцептивного присутствия говорящего и наличия невербальных средств выражения, яркой чертой разговорности становится конситуативность речи, речевой ситуативный эллипсис.

В научных текстах (а также в ряде деловых и публицистических жанров, где описываются не локализованные во времени события), ситуация прямого наблюдения, как правило, бывает исключена; говорящий/пишущий мыслит отвлеченно, на уровне рассуждений, умозаключений, оперирует ментальными фактами. Отсюда и употребление настоящего всевременного в генеритивном регистре и настоящего постоянного (*Наречия не изменяются*) в информативно-описательном регистре.

Деловые документы (указы, законы, инструкции и под.) предполагают волеизъявление, предписание (настоящее предписания и инфинитив в волюнтивном регистре речи). В некоторых прескриптивных жанрах (кулинарная книга, инструкция по эксплуатации и проч.) настоящее всевременное составляет основу прескриптивной разновидности информативного регистра.

В жанре репортажа говорящий вновь занимает позицию наблюдателя, помещает себя в хронотоп событий, и его речь переходит в сферу репродуктивного регистра, что автоматически приводит к частотности “настоящего репортажного”.

Концепция речевых регистров позволяет по-новому посмотреть на типологию речи, уйти от бесплодного стремления “привязать” вычленимые с той или иной степенью достоверности речевые подсистемы к различным сферам общественной деятельности людей. Г.А. Золотова пишет: “... Типология речи имеет своим объектом и первоочередной

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

задачей собственно лингвистические *что* и *как*: типовое содержание речевых актов и языковые средства, предназначенные для его выражения в тех или иных композиционно-смысловых единствах. Выявление их позволит выйти и за пределы собственно лингвистических задач” [7; с.356].

Л и т е р а т у р а

1. Р.А. Будагов. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
2. В.В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
3. Е.А. Земская. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
4. М.Н. Кожина. Стилистика русского языка. М., 1977.
5. В.Г. Костомаров. О разграничении терминов “устный” и “разговорный”, “письменный” и “книжный”. // “Проблемы современной филологии”. М., 1965.
6. О.А. Крылова. Основы функциональной стилистики русского языка. М., 1979.
7. Г.А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
8. Г.А. Золотова. “Коммуникативная грамматика”: идеи и результаты. // Русистика сегодня, № 3, 1994.
9. Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. 4-5 годы обучения. М., 1988.
10. Н.К. Ониненко. Идея субъектной перспективы в русской грамматике. // Русистика сегодня, № 3, 1994.
11. О.Б. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.